

В. А. Громов

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «БЕЖИН ЛУГ»

«Дело о похождениях разбойников»

Из двух созданных И. С. Тургеневым «шедевров русского художественного фольклоризма»,— как определил М. К. Азадовский рассказы «Бежин луг» и «Певцы»¹, исследователь подверг специальному рассмотрению лишь второе произведение, посвятив ему большую статью.

Творческая же история и реальные источники «Бежина луга» до настоящего времени не раскрыты сколько-нибудь убедительно и полно. Поэтому даже в примечаниях к академическому изданию «Записок охотника» один из наиболее социально заостренных и этнографически точных эпизодов антикрепостнического произведения трактуется как рассказ об антихристе².

Чтобы понять, насколько такая трактовка далека от истинного содержания этого эпизода, следует обратиться к «Путевым письмам» известного собирателя фольклора П. И. Якушкина, земляка Тургенева. В письме от 7 апреля 1861 г. среди народных легенд о «благородных разбойниках» приводится рассказ о Тришке³. Н. Л. Бродский впоследствии включил его в сборник «К воле. Крепостное право в народной поэзии» (М., 1911, стр. 100—105) под названием «Разбойник Тришка Сибиряк». Оттуда он перешел, правда, почему-то уже без указания на запись Якушкина, а лишь с отсылкой к названному сборнику Бродского, в известное издание: «Русские народные сказки. Барин и мужик. Редакция и предисловие Ю. М. Соколова» («Academia», М.—Л., 1932, стр. 41—46). С тех пор «Разбойник Тришка Сибиряк» включается и в массовые фольклорные издания как русская народная сказка.

Первоисточником этой легенды как в художественном рассказе Тургенева, так и в этнографическом очерке Якушкина, были реальная русская жизнь 1840—1850-х годов и конкретное историческое лицо того же времени. В. П. Тургенева — мать будущего автора «Записок охотника» — в бытность его студентом Берлинского университета сообщала ему из Спасского-Лутовинова в середине февраля 1839 г.: «Тришка у нас проявился вроде Пугачева — то есть он в Смоленске, а мы трусим в Болхове». Через месяц с небольшим она извещала своего сына, что «Тришку поймали, и слухов более о нем нет»⁴.

«То, что говорят между собой тургеневские мальчики о Тришке...,— писал в 1856 г. анонимный автор забытой рецензии на «Бежин луг»,— в некоторых губерниях, например, в Калужской и Рязанской, рассказывается об одном разбойнике, который когда-то уж был, разумеется, в воображении суеверных. Кандалы, говорят там, между прочим, он, бывало, помажет соком, или посыплет порошком разрыв-травы, тряхнет, и они тотчас

¹ М. К. Азадовский, Статьи о литературе и фольклоре, М.—Л., 1960, стр. 398.

² И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения, т. IV, М.—Л., 1963, стр. 553 (далее ссылка дается в тексте: Соч. с указанием тома и страницы).

³ П. И. Якушкин, Соч., СПб., 1884, стр. 298—303.

⁴ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 795 (И. С. Тургенев), № 92. На сходство разговоров мальчиков из «Бежина луга» о Тришке с фольклорной записью легенды о нем в «Путевых письмах» Якушкина впервые обратил внимание В. Г. Базанов в кн.: «Павел Иванович Якушкин», Орел, 1950, стр. 15—16.

рассыплются золою; иногда его, бывало, ловят, а он вдруг представится в двух совершенно одинаковых видах и бежит в разные стороны: погонятся всегда за его призраком, а настоящий, подлинный разбойник уйдет. Однажды, говорят, он увел с собою из тюрьмы и всех своих товарищей, именно, вот каким образом: разбойники разговаривали между собою, как бы им вырваться из тюрьмы; он говорит им: извольте, я вас выведу из тюрьмы: принесите уголь. Принесли уголь. Он взял, нарисовал на стене лодку и на лодке столько весел, сколько было в тюрьме разбойников. Товарищи смотрят и смеются. «Чего смеетесь,— говорит он им,— садитесь в лодку, беритесь каждый за весло и гребите проворней». Они сели, ударили веслами, запели разбойничью песню: «Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолю»; лодка с гребцами помчалась по стене, и они очутились на воле».

Много подобных рассказов бродило в старину. И всем им так искренне, так охотно верили, что никто и не думал противоречить. «Поэтому естественно,— замечал далее безымянный рецензент,— что Ильюша рассказывает положительно, смело, с полным убеждением и настойчивой убедительностью, которая не допускает и тени сомнения. Он даже пристыдил Костю и осмеял всю его деревню за то, что они Тришки не знают. Не знать Тришки — выходит уж не знать ровно ничего, то же, должно быть, что в школе не знать Александра Македонского»⁵.

Фольклорно-этнографическую достоверность ночных разговоров мальчиков у костра на Бежином лугу, который, как отмечено в рассказе, находится «в Чернском уезде, Тульской губернии», подтверждает и архивный документ — «Дело о помещенном в Тульских губернских ведомостях описании города Черни и его уезда, с рассказами о похождениях разбойников». Оно возникло в анналах печально знаменитого цензурного комитета периода «мрачного семилетья» в истории русской литературы и журналистики. Начало дела датировано 10 апреля 1850 г., окончание — 13 апреля того же года. Это цензурное разбирательство предшествовало возвращению Тургенева из-за границы в Россию, в родовую отцовскую усадьбу Чернского уезда Тульской губернии, где был написан рассказ «Певцы» и обдуман творческий план «Бежина луга», осуществленный в самом начале 1851 г. в Петербурге.

В названном документе, который был в апреле 1850 г. представлен на рассмотрение Николая I и получил его одобрительную резолюцию, обращалось внимание на то, что в «Тульских губернских ведомостях» помещено описание г. Черни и его уезда, в которое были включены рассказы о разбойниках Кудеяре и Ваньке Казяеве, обитавших вблизи Черни.

«Комитет далек от мысли,— говорилось там,— чтобы предполагать какое-либо дурное намерение; но смеет однако же думать, что по распространяющейся ныне грамотности между простонародьем, лучше было бы не помещать в губернских газетах, читаемых во всех сословиях, описания походов разбойников и их удалства, а тем более безнаказанности злодея, оставившего несметное богатство, зарытое в кладах. Если подобные поверья существуют у нас в народе и живут в сказках и преданиях, то поддержание их не может, однако же, входить в цели правительства, а губернские газеты имеют характер изданий официальных, назначением которых во всяком случае должно бы, кажется, быть распространение одних вещей и понятий полезных или по крайней мере, безвредных, а не таких нелепых басен, особенно же с оставлением их без опровержения...»⁶.

Заключение цензурного комитета по поводу публикации в «Тульских губернских ведомостях» преданий о кладах Кудеяра и похождениях Ваньки Казяева не оставляет ни малейших сомнений в причинах полного изъятия цензурой разговоров, мальчиков о Тришке при первой публикации «Бежина луга» в февральской книжке «Современника» за 1851 г. Положение не спасло и явно маскировочное примечание автора: «В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе» (Соч., IV, 1106), по неведению,

⁵ «Журнал для детей. Духовное, нравственное, историческое, естествоиспытательное и литературное чтение, издаваемое М. Чистяковым и А. Разиным», 1856, № 1, январь, стр. 98—100.

⁶ Центральный государственный исторический архив, ф. 1611, оп. 1, ед. хр. 99. Впервые на этот документ обратил внимание В. Базанов в статье «Поэма «Кому на Руси жить хорошо» и крестьянское политическое красноречие», «Русская литература», 1959, № 3, стр. 42 (примеч.).

до сих пор принимаемое в работах о Тургеневе за чистую монету. Пропуск отдельного издания «Записок охотника» в 1852 г. с восстановлением этого и других ранее не пропущенных эпизодов, как известно, стоил цензору князю В. В. Львову отстранения от службы, а Тургеневу — месячного ареста и почти двухлетней ссылки в Спасское-Лутовиново.

«У меня на праздниках,— писал он оттуда 16 (28) января 1853 г. С. Т. Аксакову,— были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата (из села Тургенево Чернского уезда.— В. Г.) приехали за 15 верст — и представили какую-то, ими самими сочиненную разбойничью драму»⁷.

Из числа фабричных был, как известно, и главный рассказчик о Тришке — двенадцатилетний Идюша, который вместе «с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках» состоял («Соч., IV, 99»). Вполне возможно, что именно от старших рабочих бумажной фабрики он и услышал впервые о похождениях неуловимого Тришки и проникся к нему восхищением и глубокой, искренней симпатией, перенятой, разумеется, опять же от взрослых.

Неподдельное сочувствие народа к «благородным разбойникам» отмечалось и П. И. Якушкиным, и Н. С. Лесковым. «Замечательно, как живуч и как верно повторяется этот тип Дон-Кихота...», — писал Н. С. Лесков. — Рогальский похож на Кармелюка, Кармелюк на Тришку и т. д. У всех один принцип, исповеданный Тришкой в словах: «Богатых разорю, а бедных наделяю». По закону все они преступники, это так; но, вникая в их психические задачи, нельзя по поводу их не припомнить слишком известной критической статьи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», по которой Дон-Кихот правильно поставлен стоящим больших симпатий, чем Гамлет. Тришка, Кармелюк и Рогальский не могли смотреть взглядом гордничего в «Ревизоре», что все же «это так самим богом устроено, и вольторьянцы напрасно против этого восстают, а, как дети степей, живут своей правдою... И вот народ передает деянья их в сказках, воспевают в песнях, выплакивает о них с ярмарочными слепцами под стонущие звуки бандур...»⁸.

Как же тут было пытливым тургеньским мальчиком не потолковать о столь необычном, волнующем воображение человеке, по имени Тришка, у костра, в ночном, на Бежином лугу? Вполне понятно, что и Тургенев никак не мог обойти в своей антикредитнической книге этот, по определению его земляка Лескова, «любопытный тип новейшего Дон-Кихота».

Уже в рассказе «Певцы» история Моргача, содержащая «темные пятна, места, как выражаются книжники, покрытые глубоким мраком неизвестности», привлекает к себе внимание почти полным совпадением одного эпизода с бытовавшими в Черском уезде народными рассказами об удалстве Ваньки Казяева — бывшего кучера помещика Казяева. Несмотря на расчетливую осторожность и скрытность Моргача, Тургенев узнал о нем, что он «некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей, пропал целый год и, должно быть, убедившись на деле в невыгодах и бедствиях бродячей жизни, вернулся сам, но уже хромым...» («Соч., IV, 235»). В заключение своей характеристики этого выдавшего вида человека автор замечал, что сынишка Моргача, «воспитанный таким отцом, вероятно, пойдет далеко. «А Моргаченок в отца вышел», — уже и теперь говорят о нем вполголоса старики, сидя на завалинках и толкуя меж собой в летние вечера; и все понимают, что это значит, и уж не прибавляют ни слова» («Соч., IV, 236»).

То, о чем взрослые говорили вполголоса при свете дня или же вовсе предпочитали помалкивать, как раз и стало одним из предметов оживленной детской беседы в ночном. «Содержание Вашего нового рассказа шире, нежели во всех Ваших прочих произведениях, — писал Тургеневу о «Бежином луге» Е. М. Феоктистов из Москвы вскоре после получения февральской книжки «Современника» за 1851 г. — Задача была огромная и превосходная <...> Вы взяли наш народ со всеми его таинственными поверьями, суеверием и т. д.»⁹. Следовательно, даже полное изъятие цензурой в журнальной публи-

⁷ И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма, т. II, М.—Л., 1961, стр. 110 (далее ссылка дается в тексте: Письма, с указанием тома и страницы).

⁸ Н. С. Лесков, Наша провинциальная жизнь, «Биржевые ведомости» 1869, 11 ноября, № 307. См. также: Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, III, М.—Л., 1967, стр. 121.

⁹ Архив Ин-та русской литературы АН СССР, ф. 166 (Л. Н. Майков), ед. хр. 1539, л. л. 3 об., 4.

кации рассказа эпизода с Тришкой не помешало иным читателям уловить в авторском замысле то, что так настораживало в ту пору официальные власти. Ведь в реальной жизни того времени, чуть только назревала потребность, в каждом селе мог отыскаться свой «питомец Пугачева», как был назван в «Орловских губернских ведомостях» (1846, № 50) один «пробеспокойный человек», который с помощью четырех товарищей, таких же буянов, успел возмутить остальных. Перепечатав эту статью и снабдив ее подробным комментарием, некрасовский «Современник» в мартовской книжке 1847 г. (отд. IV, стр. 62) с видом недоумения спрашивал: «Что разумеет автор под словами: питомец Пугачева? Был ли то удалец, уцелевший из шайки исторического разбойника, или просто человек, обуреваемый беспоконным духом своеволия?».

Видимо, недаром, односельчане Павлуши приняли за Тришку своего же бочара Вавилу, который «Жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел» (Соч., IV, стр. 107). Больше всех испугались Тришки те, кто прямо или косвенно был виновником народных бед и страданий: «Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес...» (Соч., IV, стр. 107). Как было ясно видно из приведенных ранее строк письма В. П. Тургеневой к сыну, трусила и мать будущего автора «Бежина луга», когда прослышала о настоящем Тришке.

Коронованный деспот Николай I был надежнее защищен и укрыт, чем какая-то крепостница из серединной России. Но трусил и он, когда налагал одобрительную резолюцию на дело цензурного комитета о промахе «Тульских губернских ведомостей», пропустивших вместе с этнографическим описанием города Черни и его уезда народные рассказы о похождениях разбойников, полные искренней симпатии к их благородству и восхищения их удальством.

Живя с середины июля по конец сентября 1850 г. в родовом поместье своего отца — селе Тургенево Чернского уезда Тульской губернии, куда, конечно, поступала местная газета, писатель едва ли мог пропустить печатавшиеся в ней любопытнейшие сведения об особенностях говора этой округи, вековых суевериях ее поселян, их быте, нравах, привычках, пословицах и поговорках, свадебных и иных песнях, а также преданиях о благородных разбойниках и т. д.

Такого рода фольклорно-этнографические материалы для своих произведений Тургенев чаще всего черпал из первых рук — путем непосредственного изучения народной жизни. Но он умело использовал также и многие другие источники, в том числе печатные. Среди них, несомненно, был и появившийся в пору возникновения замысла «Бежина луга» этнографический очерк «Город Чернь и его уезд», печатавшийся в неофициальной части «Тульских губернских ведомостей» в течение января—февраля (№ 2—6) и августа—сентября (№ 31—35) 1850 г.¹⁰ Автором его был член-корреспондент Тульского губернского статистического комитета штатный смотритель чернских училищ А. Г. Зеленецкий. Помимо великолепного комментария к одному из шедевров русского художественного фольклоризма, этот очерк может служить и как самостоятельное произведение документального жанра, сохраняющее донныне научно-познавательный интерес.

Предания и были Бежина луга

Все те названия деревень, лесов и урочищ, с которыми читатель постоянно сталкивается в «Записках охотника», в 1916 г. упоминались в статье М. А. Щёпкина «Село Спасско-Лутовиново, усадьба И. С. Тургенева». «Вы уже слышите от крестьян на поприще между Спасским и Тургеневым и вокруг них... «Чаплыгино», «Колотовка» «Варнавицы», и в уме восстают вереницы образов и событий, вызываемые этими именами... Вот и «Бежин луг», на котором заблудившийся после охоты Тургенев, лежа под обглоданным кустиком, изучал бесхитрое, полное чарующей прелести мирозерцание крестьянских детей... Вот и «Колотовка», где в «Притынном» происходило знаменитое состязание певцов и где автор подметил у русского народа чувство высшей эстетической красоты...»¹¹.

В последний приезд на Родину летом 1881 г. Тургенев, по сличительству Е. Гаршина, «огкровенно заявлял, что ему ужасно не хочется оставлять Спасского и вообще

¹⁰ Далее в тексте указываются номер газеты и страница.

¹¹ «Исторический вестник», 1916, № 2, стр. 558.

Россию». Когда в один из праздничных дней во дворе усадьбы собралась по приглашению писателя «громдая толпа стариков, взрослых, женщин и детей» из нескольких деревень и «начались хороводы и пляски», то Иван Сергеевич «всем одинаково восхищался и видно было, что в нем, под влиянием этого широкого веселья, говорила истинно русская кровь; и действительно, обратившись к нам,—вспоминал Е. Гаршин,—он, показав рукой на веселящихся (после обеда мы сидели на балконе), сказал:

— И про меня говорят, что я не люблю России и русских!.. Для меня это высокое наслаждение, лучше всякой оперы и чего хотите.

А в воздухе громко раздавалось: «Сергеевич, воротись, голубчик, наш воротись!...»¹². Он еще в юности, чуть бывало слышит в деревне песни, вместе с дворовым Иваном Кубышкиным «исчезал из дома в ореховые кусты, густо росшие в то время между сараем и деревней, близ которых деревенские девушки водили хоровод.

Там Иван Сергеевич ложился ничком, подслушивал и записывал слова песен. Там иногда удавалось ему быть свидетелем сцен, которые он помещал впоследствии в своих сочинениях»¹³.

Вот почему для правильного понимания многих произведений И. С. Тургенева большое значение имеет современный им конкретный фольклорно-этнографический материал.

На эту диалектическую взаимосвязь своего творчества с реальной жизнью не раз указывал сам Тургенев. О ней он говорил и в последний приезд на родину, прогуливаясь по спасскому парку с Е. Гаршиным, который вскоре после его смерти писал: «Мне почему-то вспомнилась заключительная сцена «Певцов» и я вполне пропел это прелестное восклицание «Антропка, Антропка-а». Иван Сергеевич как-то встрепенулся весь, точно будто сразу надвинули на него свежие, молодые воспоминания, и он сказал:

— Ведь вот говорят творчество это такая громадная сила, а между тем создайте вы сами из себя все эти превосходные места, которые навсегда запечатлеваются в памяти читателей и всеми признаются за шедевры. Ведь я же не выдумал этого Антропку. Ведь я в самом деле слышал, как они перекликались. И в конце концов мастерство художника в этом и состоит, чтобы суметь принаблюдать явление в жизни, и затем уже это действительное явление представить в художественных образах»¹⁴.

Не выдумал Тургенев и мальчиков в ночном, их непринужденные разговоры, а также самый Бежин луг. Жизненную достоверность рассказа и нарисованных в нем характеров подтвердила, например, знавшая автора «Записок охотника» с ранних лет бывшая крепостная Тургеневых В. А. Невзорова, отец которой был одним из дворовых в Спасском-Лутовинове. «Почтенная старушка,— писала о В. А. Невзоровой, урожденной Ивановой, газета «Урал» в 1899 г. (692, 11 июня),— знает Бежин луг и читала о нем творение писателя, о чем без слез не может говорить. Она уверяет, что это не описание, а прямо картина Бежина луга. «Кто видел его,— говорит она,— тот лучше Ивана Сергеевича не опишет, не передаст этой местности. Я и мальчишек-то всех помню тех, о которых писал Иван Сергеевич, точно живые стоят передо мной».

Более конкретные представления о том времени и той реальной среде, которые нашли художественное воплощение в рассказе «Бежин луг», дает уже упомянутый нами этнографический очерк А. Г. Зеленецкого.

Благосостояние жителей Чернского уезда, как самих помещиков, так и крестьян, зависело прежде всего от урожая. Следовательно, делал вывод Зеленецкий, хлебопашество было основным, если не единственным источником богатства уезда, где, правда, по реке Снежети, особенно в деревне Ветрово, добывалась гsrшенная глина, из которой крестьяне выделывали горшки и прочую посуду и вели «весьма значительный промысел, сбывая товар свой даже в соседних уездах». Кроме того, по всему Чернскому уезду насчитывалось в ту пору 14 «фабрик и заводов», в том числе в селе Тургеневе бумажная и в селе Спасском на Зуше бумагопрядильная фабрики. Вот почему, по статистическим данным 1848 г., среди населения уезда «мастеровых и рабочих людей находилось 861 человек» на 86 834 жителя, из которых помещичьих крестьян было 72 707, т. е.

¹² Е. Гаршин, В имени И. С. Тургенева, «Нива», 1883, № 42, стр. 1007.

¹³ О. Аргамасова, Семейство Тургеневых (Отрывок из воспоминаний), «Исторический вестник», 1884, № 2, стр. 335.

¹⁴ Е. Гаршин, Воспоминания об И. С. Тургеневе, «Исторический вестник», 1883, № 11, стр. 384.

подавляющее большинство. Примерно на троих жителей приходилась одна лошадь. А всего по уезду насчитывалось в ту пору 29 218 лошадей (№ 2, стр. 8).

«Крестьянин,— писал Зеленецкий,— преимущественно занимается хлебопашеством. У крестьянина топор, а у жены его игла есть единственный инструмент для всех поделок домашнего быта. Крестьянин трудится целый год. Труд — его занятие и развлечение» (№ 5, стр. 20).

Для крестьянских детей ночное было разнообразностью барщины, хотя и несколько опозитивированной самой обстановкой и частично смягченной временной независимостью от старших. Но если это и доставляло ребятам удовольствие, то все-таки для большинства из них выезд в ночное был не просто приятным времяпрепровождением, а прежде всего необходимостью, которая диктовалась экономическими условиями сельского быта: взрослые крестьяне с утра и до ночи работали на лошадях, ночью же надо было отдохнуть и набраться новых сил для нового трудового дня и тем и другим. Дети тут были незаменимыми помощниками и встретить их в ночном сидящими гурьбой у костра было обычным делом. Неизмеримо труднее оказалось бы застать их вместе в какой-либо другой обстановке и столь внимательно вникнуть во все то, что переполняло их души.

В школу ребята не ходили. Тульский статистик Зеленецкий в своем очерке с горечью констатировал, что «в помещичьих имениях, и даже нигде в целом уезде, к сожалению, доселе нет учебных школ, кроме одной, близ города, для казенных крестьянских мальчиков. Между тем давно уже замечено, что крестьяне охотно бы отдавали своих детей в школы, если бы они были заведены; тем более, что некоторые из них (крестьян.— В. Г.), привозя детей своих из дальних мест уезда, верст за 40 и более, помещают их в городском приходском училище и даже в уездном; а другие обучают у церковного причта или у своих земских. Заведение школ в уезде было бы благодеянием для крестьян» (№ 33, стр. 160—161).

В устах Зеленецкого эта мысль звучит тем более искренно и достоверно, что чуть ли не половина его обширного очерка посвящена описанию того, что было прямым следствием непросвещенности крестьянского ума и сердца. Характеризуя «вековые суеверия поселян», он начинает с того, что, по их убеждениям, «в воде живут водяные, а особенно под мельницами, в домах — домовые, в лесах — лешие. Поселяне вообще боятся купаться после заката солнца: «какое теперь купанье, теперь зажил водяной!» Самое опасное время для купанья — неделя перед днем Ильи пророка: в это время, говорят они, водяной ищет себе жертв. Они также говорят, что водяной не любит, чтобы кто-либо побеспокоил его сон свистом; если свистящий плывет в лодке, он опрокидывает лодку и увлекает пловца на дно; если он идет по берегу, водяной хватается его за берега...

Домовые также играют не меньшую роль на сцене своего демонологического театра у поселян.

Крестьянин, покупая домашний скот, соображает с цветом шерсти покупаемых: нравится ли он (т. е. цвет.— В. Г.) домовому того дома, где живет он, или нет. Цвет шерсти, противный домовому, поселяне зовут цветом не по двору; цвет же, приятный ему, называют любимым...

Лешие гораздо меньше имеют силы над грешною природою человека, нежели как два первые (т. е. водяные и домовые.— В. Г.), и следовательно, не так опасны для него. По мнению поселян, это суть оборотни, принимающие на себя различные виды, как-то: человека, свиньи, зайца, кошки и т. п., и бывшие первоначально людьми, но обращенные, силою чар знахаря-колдуна, в какое-нибудь животное,— живут в лесах. Говорят, что они даже любят человека, стараются с ним встретиться, особенно на перекрестках дорог или в лесу, разговаривают с ним под видом знакомых; но вспомя, наконец, долг свой, на который осуждены, они заводят человека в незнакомое, дурное, как говорят, место в овраг или чашу леса, и тотчас скрываются и исчезают. Почему крестьяне места такие, где кому-нибудь из них приходилось сбиваться с дороги, особенно в зимнее время, называют местами дурными.

Лесное эхо, отвечающее на свист или крик человека, селяне называют лешим, тешащимся над человеком и передразнивающим его.

Крик голодной совы, в лесу в морозную лунную ночь, подражающий крику животных, как-то: ...лошади, собаке, петуху или кошке, они почитают за лешего

папущенного. Отчего крестьянин в лес этот, хотя бы ему нечем было испечь избу, или осветиться, ни за что не пойдет ночью...

За всем тем, крестьянин все-таки имеет свое материальное средство от нечистой силы. Старухи или старики, травоведы верят, что нечистый дух боится не одного лада-на: кто при себе носит траву «чертополог», того он не посмеет коснуться.

Громом и молнией, по мнению поселян, управляет Илья Пророк. Он ездит на огненной колеснице, везомой парю огненных коней. От колесницы происходит гром, а от красного платка, находящегося в руках Пророка, рождается молния. Стрелами громовыми он поражает нечистую силу. Крестьяне, при сильном громовом ударе, кладут крестное знамение и творят молитвы. Огненные воздушные явления они почитают за летучих змей, посещающих женщин в отсутствие их мужей, и потому при появлении их говорят: «Аминь, аминь, рассысь!» Падающие звезды считают предвестниками смерти какого-нибудь родного или знакомого того села или деревни, куда упала звезда. Затмение солнца или луны, также явление на небе звезды с хвостом служит худым предзнаменованием.

Звезды на небе, по мнению поселян, суть ангелы божии, покровительствующие сельским работам. Солнце считают оком божим. О красном солнце говорят: «Худое лето, когда солнца нету!» Между крестьянами существует поверье, что старый месяц бог крошит на звезды. Пятна на луне означают Каина и Авеля, перенесенных на нее богом. Млечный путь одни из поселян называют дорогой в Киев и Иерусалим, другие дорогою татар на святую Русь и, наконец, Батыевою, который, желая покорить свет, по мнению их, шел по этой дороге, но, дойдя до моря, остановился и далее не пошел. Земля, по понятию поселян, основана на двух больших китах, а там, где земля с небом сходится, конец света...» (№ 32, стр. 155—156).

Суеверия подобного рода были свойственны не только крестьянам. Так, Тургенев уже в 1882 г. подробно рассказывал своим юным соотечественникам, обучавшимся у Полины Виардо, о «суеверии отца, о его боязни домовых, которых от времени до времени изгоняли из усадьбы. Приходил священник, освящал все углы в обширном доме. Это происходило в поздние вечерние часы, и Иван Сергеевич,— как вспоминала позднее его слова С. Ромм,— испытывал сильный страх, идя вслед за отцом и батюшкой по всему большому дому, при колеблющемся пламени свечей. Иван Сергеевич рассказывал, что он, не видевший никогда домовых, по ночам ожидал их появления, силясь не засыпать»¹⁵.

Как справедливо заметил А. В. Луначарский, «тяжелый уклад помещичьей семьи часто ставил нелюбимых сыновей отцов-деспотов (например, Некрасова) или матерей-тиранов (например, Тургенева) в положение угнетенных, тем самым как бы поставленных в большую близость к рабам, чем к господам»¹⁶. С простонародным бытом и устно-поэтическим творчеством Тургенев встречался с детских лет не только во время самовольных отлучек из дому, за которые ему частенько попадало, но и в самом «родительском ковчеге», как называл Я. П. Полонский главный усадебный дом в Спасском-Лутовинове. «Стоит только вообразить себе,— писал он о той среде, в какой рос будущий художник слова,— сколько двуногих существ там жило на господском иждивении, усердствовало, подслушивало, шушукалось, сплетничало, льстило и интриговало, молодело и старилось! Сколько поверий, преданий, сказок, прибауток, пословиц, прозвищ говорилось и выслушивалось! Сколько гаданий, суеверных страхов, мелких страстей и всяких иных ощущений волновало и разнообразило этот крепостной мирок, это маленькое государство,— стоит только это вообразить себе, чтоб тотчас же, невольно подумать: сколько пищи или материала давал этот дом для наблюдательности и памяти впечатлительного ребенка, будущего писателя!»¹⁷.

Недаром в устных рассказах Тургенева юным собеседникам писателя — русским ученицам Полины Виардо — «о своем детстве, о строгости матери, о своих играх с деревенскими мальчиками» слышались отклики «Записок охотника»¹⁸.

¹⁵ С. Ромм, Из далекого прошлого. Воспоминания об Иване Сергеевиче Тургеневе, «Вестник Европы», 1916, № 12, стр. 104—105.

¹⁶ А. В. Луначарский, Собрание сочинений в восьми томах, т. I, М., 1963, стр. 280.

¹⁷ Я. П. Полонский, И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину, в кн.: Я. П. Полонский, На высотах спиритизма, СПб., 1889, стр. 497—498.

¹⁸ С. Ромм, Указ. раб., стр. 104.

«Западник» Тургенев, как он сам именовал себя во вступлении к «Литературным и житейским воспоминаниям», объясняя происхождение «Записок охотника» и той «частички русского духа, которая в них замечается», там же с полной убежденностью заявлял, что «нас хоть в семи водах мой,—нашей, русской сути из нас не выведи! Да и что бы мы были, в противном случае, за плохонький народец!» (Соч., XIV стр. 9—10).

В поэтических образах крестьянских детей автор «Записок охотника» прежде всего увидел и с большой художественной силой и искренней любовью воссоздал «частичку русского духа», «русской сути», которые с ранних лет были органически свойственны и ему самому.

Вот это-то родство «крепостных душ» с лучшими людьми из дворян — и в понимании прекрасного, как в человеке, так и в природе, и в умении выразить сложный мир своих мыслей и чувств средствами истинной народной поэзии, и в неизжитых предрасудках, «суевериях моей милой родины» — убеждало Тургенева, а затем, благодаря ему, и читателей «Бежина луга» в громадных возможностях духовного развития угнетенного народа, в необходимости его освобождения от помещичьего гнета.

Тургенев потому столь решительно и отверг совет Феохтистова придать «Бежину лугу» «какой-нибудь фантастический характер», что «это не немецкие мальчики сошлись — а русские» (Письма, II, стр. 22). В русском же человеке, по его убеждению, вы сказанному в рецензии на «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» (В. И. Даля), «таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития...» (Соч., I, стр. 300—301). Фольклор, подобно языку, был для Тургенева одним из главных выразителей духовных сил народа¹⁹.

¹⁹ См. Т. И. Орнатская, Фольклористические интересы Тургенева, «Тургеневский сборник. Материалы к „Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева“», IV, Л., 1968, стр. 240—250.